

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ Робкая догадка

Как часто бывает — слово-заноza сидит в голове — возникает вопрос, пытаешься найти на него ответ. Любопытство частично удовлетворено, но "осадок", бывает, остается, что-то не до конца прояснилось...

Так было с "одесской" главой "Евгения Онегина". По поводу того, что "Там все Европой дышит, веет..." написаны тысячи страниц. Много лет тому назад у меня с Олегом Губарем завязался эпистолярный роман. Двадцать или чуть больше писем о "Евгении Онегине". На мои вопросы, какие-то наблюдения, предположения мой "конфидент" отвечал с присущей ему точностью и обстоятельностью. И все же, вопрос, что же так поразило А.С. Пушкина в Одессе, кроме того, о чем он сам поведал в романе, и о чем пишут многие пушкинисты, меня не отпускал. Не хватало какого-то звена, какого-то "кирпичика", чтобы стройное здание истории пушкинской Одессы показалось мне окончательно завершенным.

В те дни, когда мне были новы Все впечатления бытия...

Все, чем наслаждался Пушкин в европейской Одессе, упомянуто в онегинских строфах. А может, что-то в них не упомянуто из этих "впечатлений бытия", о которых вспоминает Пушкин в стихотворении "Демон"?

Первые впечатления постепенно вытесняются другими, может быть, более яркими, более эмоциональными. Я стала думать, каким могло быть первое, пусть мгновенное и поверхностное, но все же отложившееся на задворках памяти впечатление Пушкина?

Подсказка пришла неожиданно. Я вспомнила, как когда-то замечательный художник Юрий Егоров рассказывал о своем первом впечатлении от Одессы. Он приехал в Одессу впервые в 1935 году десятилетним мальчиком из Сталинграда: "Я впервые увидел европейский город — с каменной архитектурой. Ведь Сталинград до войны был преимущественно деревянным. А здесь, в Одессе, прямые улицы с прекрасными домами — каменными! Я такое видел впервые!".



Может быть, и Александр Сергеевич Пушкин, — мелькнула у меня робкая догадка, — удивился, созерцая прямые улицы (план Де Волана) и дома из камня (ведь "степь нагая там вокруг" (!)), этим новым впечатлением?

Не говоря уже о Москве, "спаленной пожаром" 1812 года, в Петербурге было множество деревянных домов. Конечно, не на Невском проспекте, не на Миллионной, не на Дворцовой и Английской набережных, а на Охте, Петербургской стороне, в Коломне, где после Лицея жил поэт. Те "впечатления бытия" потом припомнятся не только в "Домике в Коломне", но и в "Медном всаднике"...

Так что, возможно, не только упомянутые в одесской главе — торг обильный, язык Италии златой, вино, которое без пошлости привезено, Casino, услужливый Отон, упительный Россини, разыскательный лорнет, солнце южное, море, — но и каменные дома Одессы сплелись в образ города, где все Европой дышит, веет?! Чего ж вам более, друзья? Благословенные края!

Светлана ЛАЗДИНА-МОГИЛЕВСКАЯ Мои Ближние Мельницы

Копалась в Интернете, и попала мне статья Ф. Кохриха "Улица, улица, улица моя...". Цитата из статьи: "Но вернемся на столь любезные моему сердцу Ближние Мельницы. Четыре года назад я писал в "Одесском вестнике", что поскольку они связаны не только с жизнью Анны Ахматовой, но и Татьяны Тэсс (Сосюры), Зинаиды Райх (актрисы, жены Мейерхольда), может, стоило бы открыть на Ближних Мельницах музей, посвященный этим замечательным женщинам".

Этот уголок Одессы — родина семьи моей мамы и моя. Все, что я напишу, — это воспоминания моей дорогой мамочки Анны Марковны Гринчук, 1912 г. рождения (ушла от нас 5 февраля 2009 г. в полном сознании), и мои.

Бабушка Пелагея Еремеевна и дедушка Марк Леонтьевич Гринчук вместе с детьми жили на улице Токарева в доме № 4. От ул. Косовского до ул. Смирнова было расположено сплошное одноэтажное строение, в котором были двое ворот, в доме № 4 и № 6. Вход в дом № 2 был со стороны ул. Косовского, под № 1. Напротив дома вдоль всей улицы Токарева была стена Второго кладбища.

Особенностью многих жилых строений на Ближних Мельницах были окна, расположенные очень близко к земле (на 70-80 см). Брат Юра объяснил мне как инженер-строитель и архитектор, что это связано с глубиной заморзания почвы зимой. Со стороны улицы располагались жилые комнаты, поэтому такое расположение окон сохраняло в них тепло зимой и прохладу летом. А вход в дом со двора был на уровне земли, и окна располагались выше.

Меня мама родила тоже в этом доме, но в метрике у меня место рождения — г. Днепродзержинск, потому что там тогда работали родители. А так как я родилась дома, то зарегистрировать меня в Одессе тогда не имели права. Мама вспоминала акушерку, которая меня принимала, которая жила рядом, на ул. Смирнова, и врача Скотского. При этом присутствовали две мои бабушки, мама — бабушка Поля, и папина — бабушка Аня.

На месте родного дома сегодня стоит административный корпус завода "Краян" — жестокий памятник бездумному и безжалостному уничтожению прекрасного, тихого и зеленого, уютного патриархального уголка Одессы, в котором долго сохранялись удивительные одесские традиции.

Что представляли собой дворы? Через ворота дома под № 2 попадаешь в квадратный двор, отгороженный с двух сторон от соседних дворов каменным забором. Квартиры во дворе располагались слева и справа от ворот. Были они небольшие: 2-3 комнаты, кухня, коридор. В каждой квартире была печка, устроенная так, что основная часть ее находилась в кухне, а в комнате была "голландская часть" — груба, которая обогревала комнаты. Возле квартиры хозяина и квартиры дедушки были палисадники, к ним примыкали небольшие сараи, расположенные вдоль стены забора. Летом готовили на примусах, керосинках, керогазах. В противоположной стороне двора за невысокой изгородью был сад хозяина дома, общий погреб, прачечная, пекарня и туалет. Справа за туалетом в глубине сада был небольшой дом сторожа и дворника пана Кивики и его жены (по национальности румыны). В саду у хозяина росли яблоки и персики. Как и от кого был отгорожен сад, — не помню, вероятно, мы туда не допускались. Особенностью дома был очень высокий чердак, который располагался над всеми квартирами, и на нем сушили белье. Никогда не сушили на улице. Лестницы на чердак были расположены слева и справа от ворот. Ворота постоянно были закрыты, входили через калитку, которую закрывали на ночь. Туалет во дворе был построен из ракушняка на четыре кабины с дверями. Внутри все было сделано из серого нешлифованного мрамора. Там всегда было чисто.

До войны во дворе жили четыре семьи. Слева от входа в углу — семья хозяйина двора немца герра Ганса (фамилию не помнила даже мама) и семья пани Белецкой (поляки). Справа от ворот — семья пани Кацафан — цыганка, и дедушка с бабушкой — украинцы. Жили все соседи дружно, помогали, как могли, если возникала у кого-то нужда. Отмечали сообща семейные и другие праздники. В прачечной в порядке заведенной очередности стирали и мылись. В пекарне была большая печь, в которой пекли хлеб, и перед Пасхой по очереди — куличи. Рядом с пекарней была еще открытая печь, на которой варили варенье, а чаще повидло в огромном медном тазу. Таз был собственностью двора, в нем варили до пуда повидла.

Я помню, как после войны вдоль ул. Токарева на биндуге с одной лошадей ездил ста-

рый дедушка Янкель, который возил хозяйкам рыбу, птицу, овощи, фрукты — этаким мини-базар. Выполнял заказы. Например, бабушка Поля заказывала осенью ему сливы-венгерки на повидло. Рассказывали, что дедушка Янкеля и его семью во время оккупации прятали в одном из домов на ул. Токарева, а когда боялись облав, то на кладбище в склепах. А за абрикосами для варенья мы с бабушкой ходили на ул. Пишенина в дом Сосюры, где был большой абрикосовый сад (к родителям Татьяны Тэсс). Отец Татьяны, если мне не изменяет память, был врачом. Бабушка с гордостью рассказывала об их дочери — знаменитости.

По ул. Токарева за ул. Пишенина было несколько больших домов, в одном из них жил управляющий железнодорожными мастерскими. У него была дочь Берта, которая училась в одном классе Мариинской гимназии с моей тетей Лизой и была ее подругой. Поэтому мамини старшие сестры ездили в гимназию вместе с Бертой на коляске ее отца — управляющего.

Сегодня на Молдаванку можно попасть пешком только через переезд по Воронцовке мимо Одессы-Малой. А раньше мы ходили еще долго после войны через подвесной только пешеходный мост, весь он был сварен из металлических конструкций, и только пешеходная часть, по которой шли, состояла из толстых досок. К мосту нужно было свернуть на ул. Косовского (там теперь ворота завода) и пройти вдоль забора (зданий железнодорожных мастерских). Там начинался мост, который висел над железнодорожными путями. Поднимались по ступенькам, довольно высоко. Спускались с моста рядом с развалинами Алексеевской церкви и попадали на Алексеевскую площадь. Так из дома на ул. Преображенской угол ул. Греческой мы ехали к бабушке на трамвае № 12, выходили возле Алексеевского рынка и шли через мост. Помоему, этот мост существовал до начала 60-х, потом доски на нем стали гнить, ходить стало опасно.

Немалую роль в жизни Ближних Мельниц играла и станция Одесса-Малая. Это был местный вокзал. Так, еще до войны, когда мы приезжали в Одессу, то не ехали до вокзала Одесса-Главная, а выходили на станции Одесса-Малая, а там рядом дом бабушки и дедушки. Правда, уезжать нужно было обязательно с вокзала — Одесса-Главная. Почему — не знаю.

Еще одна достопримечательность Ближних Мельниц — трамвай № 10. Проект линии электрического трамвая "Ближние Мельницы" был разработан Бельгийским обществом конно-железных дорог в 1908 г. Маршрут просуществовал до начала 60-х — по Ближним Мельницам от "Красного Креста", Воронцовки, мимо станции "Одесса-Малая", по улицам Косовского, Евдокимова, Пишенина. Здесь у аптеки была конечная остановка. Обратный трамвай следовал по улицам Пишенина, Молчановской, Косовского и дальше. Линия была однопутная. Разъезжались вагоны у "Красного Креста". В шестидесятых линию продлили до ул. Лагерной (Бреуса), потом к Черемушкам. Во время строительства корпусов "Краяна" трамвайную линию перенесли на Токарева, параллельно стене кладбища.

Мама вспоминала, что на Воронцовке в каком-то сарае или складе после революции открыли кинотеатр, где показывали немые фильмы. Там бывало очень душно и тесно. Ее брала с собой сестра Лиза, которая была поклонницей Веры Холодной, собирала открытки с ее изображением и старалась ей подражать, за что ей часто попадало от родителей.

После войны мы с братом на каникулы переселились к бабушке. Там с 1945 г. по протекции т. Лизы давала мне и брату уроки музыки ее гимназическая подруга Берта. В доме у бабушки было пианино фирмы *Karl Haas*. Потом пианино перевезли на ул. Преображенскую. В неделю бывало по три урока, на которые после школы мы ездили круглый год.

Дом фрау Берты (только так она требовала, чтобы ее называли) — это очень интересно. Мы проходили нарядную гостиную, а уроки бывали только в одной комнате — кабинет-библиотеке. Там стояло два рояля фирмы *J. Becker*: один черный с очень тугой клавиатурой (разрабатывали руку, играли гаммы и упражнения) и коричневый, очень добрый и прекрасно звучащий. На каждом рояле стояло по бутылке квадратной формы. В бутылке на черном рояле была немецкая деревушка: с домиками, кирхой, елками, детьми на санках и собачкой. Если ее перевернуть вверх дном, а потом поставить на место, то в деревне начинал медленно кружиться снег, а санки ехали вниз. Во второй бутылке было что-то похожее, но там была осень, падали листья, и было уже не так интересно. Перевертывать бутылки разрешали, только если выполнил урок на отлично.

Кроме роялей и бутылок в комнате было много книг в шкафах (в основном, на немецком языке), и на стеллажах толстые подписки старых дореволюционных газет. Газеты разрешалось смотреть. Но были там еще, кажется, шесть футлярчиков размером в половину небольшой книжки, где лежали флирты. О, флирт! Какие цитаты! А какое оформление! Это нужно было видеть, держать в руках, рассматривать и читать. О флирте, и как им пользовались, рассказывала бабушка Аня (папина мама). Один флирт был с надписью "Императорский". Все карточки в нем были выполнены на тонких пластинках из слоновой кости. Каждая цитата была написана рядом с чуть выпуклым камешком и названием этого камешка. В других футлярчиках были рядом с цитатами цветочки, ветки разных деревьев, символы городов с их названиями и т. д. Стать владелицей такого футлярчика я так сильно мечтала, что строила разные планы по ночам. Попросить? Об этом нечего было думать — просить нельзя.

В конце 1950 года фрау Берта заболела, уроки музыки продолжались в школе с другими педагогами.

И вот в 1956 г. почему-то моя т. Лиза повела меня к фрау Берте. Тетя шла ее, больную, проведать, несла ей какие-то лекарства, очень переживала, что у нее психическое расстройство. До сих пор я помню ужас, который испытала, когда мы вошли. В доме был полный разгром. Полы провалились. В гостиную по ореховым стульям с плюшевой болатого цвета обивкой скакали козы. Шкафов, стеллажей, книг и газет не было, они ушли в печь. Видимо, туда же — и флирты. У стены стоял облезлый черный рояль, потолок протекал.

С Ближними Мельницами и с ф. Бертой связано еще одно воспоминание. У нее был ученик Толя Витушкин, старше меня на четыре года, носил очки. Он родился в Москве, там жили его родители, но почему-то он жил у бабушки на Ближних Мельницах с 1946 г. И тоже учился игре на фортепиано. Ф. Берта находила у него незаурядные способности, пророчила, что он станет пианистом высокого класса. Но судьба распорядилась иначе.

Мы жили рядом с кладбищем. Я его боялась, даже смотреть в ту сторону боялась. А мальчишки пропадали там постоянно, лазили по склепам. Что только не приносили они оттуда! Среди многого попадались им и снаряды, и патроны, и гранаты. Вот такая одна и взорвалась, когда ее разбирали. В результате взрыва у Толи были повреждены два средних пальца на правой руке, вспышкой обожгло глаза. Родители забрали его в Москву, лечили. Его бабушка рассказала мне, что он с золотой медалью окончил школу, поступил в МГУ на механико-математический факультет. После получения диплома стал учиться в аспирантуре, но терять зрение. Защищал диссертацию — кандидатскую, потом докторскую. В 22 года практически потерял зрение.

Прошло много лет. В конце семидесятых я часто останавливалась во время командировок у своей подруги Гали на ул. Вавилова. Однажды мы возвращались с ней вместе, зашли в подъезд, стали подниматься по лестнице. Впереди шел мужчина с огромной собакой. Он остановился и обратился к Гале: "Галя! Кто с тобой только что разговаривал? Такой знакомый голос, а я не могу вспомнить, кто это". Галя ответила, что я ее подруга из Одессы. И тут он вдруг сказал, что это может быть только голос Светочки...

Завершу воспоминание Вторым христианским кладбищем. Его церковь — кажется, единственная в Одессе, которая продолжала работать во все времена и при всех властях. Яркими воспоминаниями остались шествие жителей окрестных улиц с фонариками в четверг вечером перед Пасхой. И очень испугавшее и поразившее впервые увиденное и услышанное действо в поминальное воскресенье в 1945 г. На кладбище мы пошли с бабушкой на могилу к дедушке (умер в ноябре 1941 г.). Людей было очень много, почти возле каждой могилы сидели люди. У многих были в руках аккордеоны, гармошки, и на полотенцах еда и питье. Раздавалась музыка и громкое пение. Было много пьяных. А на дорожках у многих женщин в руках были тарелки или блюда с коловом (отварная пшеница, перемешанная с сахаром и корицей и украшенная разноцветным мармеладом), которое раздавали одной ложкой всем в рот. Бабушка нас спасла от этого угощения. Ужас от этой традиции сохранился до сих пор.

Примечание:

Старые и новые названия улиц: Токарева — Авиационная, Пишенина — Ю. и И. Липы; Смирновская — Шота Руставели; Молчановская — Скворцова; Евдокимова — Ефимова.